

УДК 321.02

DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.017

Международная миграция как политическое явление

Кравчук Алексей Владимирович

Аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: lnn_1964@mail.ru

Мефодьева Светлана Александровна

Кандидат философских наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: lnn_1964@mail.ru

Аннотация

Рассмотрение международной миграции в качестве политического явления – это единственный путь, дающий надежду на объективное постижение особенностей и перспектив функционирования и эволюции политических институтов и процессов в различных странах. Такая постановка проблемы создает условия для преодоления научного консерватизма в политологии, создающего серьезные препятствия на пути систематического построения содержательной теории политической жизни человечества в эпоху глобализации.

Международная миграция запускает в действие целый ряд политических процессов, деликатность которых обуславливает потребность в ясном понимании соответствующих этим процессам политологических терминов и понятий. Особенно важным представляется органическая взаимосвязь миграционного контекста с развитием политической культуры. Изучение международной миграции в перспективе должно трансформироваться в самостоятельное объемное научное направление. Но это произойдет только после того, как будут решены проблемы методологии, онтологии и эпистемологии новой, чрезвычайно перспективной, научной политологической дисциплины.

В предлагаемой статье предпринимается попытка операционального поворота проблемы международной миграции на приложение к политологии в качестве объекта данной науки. Критический анализ дискурсивных концептов «международные отношения», «политическая борьба», «конфликт цивилизаций» обнаруживает некоторые важные особенности функционирования дискурса международной миграции и обладает научной новизной.

Для цитирования в научных исследованиях

Кравчук А.В., Мефодьева С.А. Международная миграция как политическое явление // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 5А. С. 157-166. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.017

Ключевые слова

Политические явления процессы и институты; международная миграция; миграционная политика; политические конфликты; политические аспекты эволюции идентичности.

Введение

Глобальный миграционный кризис, в начале XXI века потрясший буквально все цивилизованное человечество, явился для научного мира побудительным стимулом к пересмотру традиционных взглядов на международную миграцию. Эти взгляды, как правило, сводились к упрощенному и, по этой причине, далекому от объективности пониманию данного феномена и его истинной природы. Международная миграция воспринималась как форма международных отношений, в рамках которой одни субъекты международных отношений утрачивали, а другие приобретали контроль над людскими ресурсами. В политологии такой подход к трактовке сущности миграционных процессов в принципе не оспаривался и признавался по умолчанию.

Основная часть

Упрощенному представлению о международной миграции соответствовало не менее упрощенное представление и о мигрантах, как об иностранцах, переселяющихся на постоянное или временное жительство в другую страну.

В действительности международная миграция на протяжении многих тысячелетий человеческой истории представляла собой социально-политический феномен, оказывавший значительное влияние на формирование и функционирование политических систем. Она и в настоящее время задает качественные характеристики социумам, определяет проистекающие в границах фактически всех цивилизаций политические процессы, самым решительным образом воздействует на политические институты, легитимность господствующих форм политической организации и территориальные стратегии образования и генезиса государств.

Из всех известных типов международных миграционных процессов, только трудовая миграция не имеет прямого отношения к политике, хотя она издревле служит идеальным прикрытием для беспорядочной политической деятельности.

Миграционный кризис начала XXI века в полной мере подтвердил тот факт, что под понятием «международная миграция» следует понимать процесс трансграничного перемещения граждан с целью проникновения в инородные социальные организмы. Это далеко не во всех случаях подразумевает наличие у международных мигрантов (иммигрантов) намерения интегрироваться в новую среду обитания в качестве полноправных членов. Отсюда следует закономерный вывод, что международная миграция может и должна рассматриваться в качестве этнической и культурно-конфессиональной экспансии. В таком случае мы вправе говорить о политической сущности данного феномена, направленного на разрушение принимающих обществ посредством их инфицирования чуждыми социальными организмами, не поддающимися интеграции в силу высокого уровня их внутриэтнической замкнутости и конфессиональной солидарности [Интеграция мигрантов..., 2016, 9-10].

В настоящее время международная миграция может классифицироваться и в качестве весьма грозного социального оружия, благодаря своему разрушительному воздействию

эффективно дополняющего классические виды вооружений.

Международная миграция способна подрывать устои даже тех обществ, которые невозможно подорвать обычными военными средствами. Массовый исход населения из нестабильных стран исламского мира в благополучные государства, традиционно принадлежащие к христианскому миру, в итоге привел к коренному изменению этноконфессиональных отношений в их цивилизационном аспекте, а также важнейших элементов политических систем в Старом и Новом Свете. Международным мигрантам (иммигрантам) сегодня без боя удалось то, что несколько столетий назад не смогли осуществить ни Арабский халифат, ни Османская империя – насадить ислам в европейских странах, превратив исламские общественные институты в фактор реального политического влияния на мировом уровне.

Исламизация Европы и Северной Америки надломила ключевой системообразующий духовный стержень в лице иудео-христианской религиозности, имевший первостепенное значение в процессе самоидентификации многих существовавших здесь культурно-исторических общностей. Исламские организации (включая и экстремистские) все чаще становятся выразителями интересов и политических ориентаций европейцев, настойчиво претендуя на доминирование в системе институтов гражданского общества на всем европейском пространстве [Castells, 2009]. Этот общественный процесс имеет бесспорное политическое измерение, которое всегда и везде воплощается во взаимодействии главенствующих институтов государства и гражданского общества.

Ислам и исламские организации в настоящее время представляют собой едва ли не главный фактор эволюции цивилизации, государства, политики и культуры в странах христианского мира [Горбунов, 2008, 43-51]. Новые потоки международных мигрантов, запрограммированные на движение в европейском направлении, только еще более усиливают значение данного фактора в ведущих странах Европы (Германия, Франция и Великобритания), побуждая их политические элиты переуступать все большую часть своего международного политического влияния в пользу политических институтов, напрямую ответственных за поддержание системы управляемого хаоса на Земле.

Международной миграции как политическому явлению следует предложить и соответствующее определение понятия «мигрант» - человек, переселяющийся в другую страну на постоянное или временное жительство с целью осуществления трудовой, политической или иной другой деятельности. Это понятие подразумевает существование различных типов, видов и причин международной миграции, вследствие чего оно приобретает универсальный характер, будучи одинаково приемлемым для всех общественных наук и, в особенности, политологии.

Исходя из вышесказанного, представляется логичным классифицировать миграционную политику как сферу государственного управления, направленную на регулирование процессов миграции граждан, связанных с пересечением государственных границ в целях постоянного или временного изменения места жительства и осуществления какой-либо деятельности, а также на решение возникающих при этом политических, социокультурных, экономических, этноконфессиональных и иных проблем.

Предлагаемое определение понятия «миграционная политика» заметно отличается от широко используемых в общественных науках определений данного направления политики современных государств, так как учитывает реалии сегодняшнего дня. Прежде всего, оно освобождено от влияния марксистско-ленинской методологии, печать которой до сих пор лежит на отечественной терминологии по вопросам миграции, изобилующей ссылками на

исследования Л. Рыбаковского, К. Бякишева и Т. Заславской еще советского периода [Пустошинская, 2018, 30-32].

Миграционная политика - это неотъемлемая часть внутренней и внешней политики фактически любого современного государства. Она является формой борьбы за власть, так как призвана защищать не только экономические интересы, но и устои политических систем от негативных последствий взаимопроникновения культур и смешения цивилизаций.

Ошибки в миграционной политике чреваты тяжелыми последствиями. В частности, они влекут за собой дисбаланс общенациональных и региональных процессов, порождая колебания в сторону большей или меньшей социальной напряженности на различных уровнях. Эти ошибки нередко приводят к появлению и бурному развитию неконтролируемых очагов политической нестабильности, вызванных конфликтами, в частности - на этнической и конфессиональной почве. Эти очаги политической нестабильности имеют тенденцию к расползанию, то есть к выходу за рамки отдельных регионов или государств, преодолению их первоначальных географических границ, возникновению эффекта цепной реакции деструктивных процессов, определяющих уже международный политический ландшафт.

К сожалению, ошибки в области миграционной политики не так уж и редки. В некоторых случаях они происходят в сочетании с представляющими не меньшую угрозу национальной безопасности любого государства просчетами в деле регулирования свободы вероисповеданий, об опасности недооценки которых предостерегал С. Хантингтон. В частности, этот авторитетный американский политолог и исследователь-аналитик еще в 1993 г. утверждал, что, в перспективе развития нынешних общественно-политических отношений, религия будет являться главным и все объясняющим фактором мировой политики. По его мнению, религия продолжит вносить в глобальную политику дестабилизирующий эффект, что будет ощущаться и в XXI в. [Хантингтон, 2003, 151].

Серьезным просчетом политиков и ученых явилось ошибочное представление о религии, как о социальном явлении, развивающемся линейно, то есть естественно и вполне предсказуемо. В результате мир оказался не готов к резкому скачку религиозной активности, достигшему своего апогея в начале XXI века и затронувшего многие страны мира.

Сложная и противоречивая природа религиозного сознания позволяет его носителям (людям и организациям) собственными силами определять базовые параметры генезиса религиозности. Религия способна развиваться как линейно (предсказуемо), так и нелинейно (непредсказуемо), интенсивно меняя настоящее, воздействуя и на будущее. Секуляризация вовсе не гарантирует автоматического освобождения от влияния религии на социальную организацию и структуру даже светских обществ, что подтвердила резко усилившаяся в начале XXI в., стимулируемая мощными миграционными потоками, исламизация стран, пользовавшихся репутацией оплотов христианской цивилизации.

Религия в плане легитимации никогда не утрачивала свой статус важной части традиционной культуры, встроеной в сам базис, в идеологию всякого общества. При определенных условиях и при посредстве благоприятных факторов она способна расширять зону своего влияния за счет вытеснения или нейтрализации слабых идеологических компонентов.

Процесс религиозного возрождения уже получил научное определение и соответствующий ему термин. Авторитетный американский социолог П. Бергер, еще с 60-ых гг. XX в. плодотворно изучавший секуляризацию, в 1999 г. вынужден был признать, что ее энергетику способна нейтрализовать «десекуляризация», выраженная в естественном усилении влияния

религии в социальной, публичной, медийной и иных других сферах, все чаще отмечаемом в некоторых светских обществах. Данный политико-социальный феномен вскоре обрел самое широкое общественное признание, а его побочное явление в лице религиозного экстремизма получило официальный статус едва ли не самой главной угрозы международной безопасности.

Еще в сентябре 2015 г, в самый разгар миграционного кризиса в Европе, на «полях» 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось мероприятие под названием «Укреплением сотрудничества по вопросам миграции и перемещений беженцев с учетом новой повестки дня в области развития». В его программу не были включены вопросы о роли мигрантов в деятельности религиозных экстремистских организаций, рассмотрение которых инициировали государства Ближнего Востока и Северной Африки, ставшие жертвами агрессивной экспансионистской политики США, Европейского Союза (ЕС) и НАТО.

Только после серии террористических актов, совершенных выходцами из стран Ближнего Востока 13 ноября 2015 г. в Париже, такие вопросы были поставлены и незамедлительно рассмотрены на самом высоком уровне. Они послужили основанием для принятия Советом Безопасности ООН, предложенной Францией резолюции за №2249 от 20 ноября 2015 г., направленной против международного радикального исламизма и предусматривающей оказание противодействия незаконной миграции граждан из различных стран мира, рекрутируемых в такие религиозные террористические организации, как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация), «Джебхат ан-Нусра» и др.

Международная миграция не служит фактором развития политических процессов. Она является политическим явлением, непосредственно формирующим политические процессы и институты. К числу наиболее распространенных и легальных институтов гражданского общества, порождаемых миграцией, необходимо отнести национально-культурные объединения, религиозные (этноконфессиональные) сообщества, правозащитные организации и политические движения в защиту национальных и религиозных меньшинств.

Огромным политическим влиянием пользуются и нелегальные сообщества международных мигрантов – преступные группировки, часто организованные по этническим и религиозным принципам, само существование которых невозможно без взаимодействия с государственными и правоохранительными органами. Организованная преступность, международный экстремизм и терроризм – это важные и вполне самостоятельные формы современной трансграничной миграции.

В 2010 г. вышла в свет книга известного германского политика, бывшего члена берлинского сената от Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Тило Саррацина «Германия: Самоликвидация» [Саррацин, 2016]. В этом исследовании автор, на основании анализа конкретного фактического и статистического материала, пришел к выводу, что, помимо религии, не меньшую угрозу устоям европейской цивилизации способны нести и ошибки в миграционной политике. Главную из этих ошибок он усматривает в безуспешных попытках интеграции в западное общество целого ряда категорий мигрантов, в силу своих национальных традиций и вероисповедных принципов, не способных стать полноценными европейцами, прежде всего – выходцев из стран исламского мира.

Исследования Т. Саррацина по проблемам международной миграции [Саррацин, 2016; Sarrazin, 2014]. вызвали крайне негативную реакцию либерального демократического сообщества, считавшего ЕС идеальным социально-элитарным заповедником мультикультурализма, способным ассимилировать, растворить в себе без остатка,

представителя любой национальной или религиозной общности. Тем не менее, основные их концептуальные положения нашли свое подтверждение после террористических актов, потрясших Париж 13 ноября 2015 г., взрывная волна которых прокатилась буквально по всему миру и заставила международное сообщество признать самоочевидный факт – неконтролируемая, неизбирательная миграция чревата тяжелейшими последствиями.

В настоящий период времени уже не принято скрывать, что на территории ЕС действуют многочисленные преступные сообщества мигрантов (албанских, сирийских, иракских, афганских), оказывающие реальное влияние на политическую культуру и политическое поведение миллионов европейцев [Миграция и денежные переводы..., 2009, 184-186].

Современный международный терроризм ассоциируется не с какой-либо политической идеологией, а, преимущественно, с исламом. Эта религия распространяется в планетарных масштабах благодаря многомиллионным потокам мигрантов-мусульман, в сознании которых, в большей степени, чем у представителей других конфессий, прочно сохраняются определенные вероисповедные принципы, поведенческие установки, трудно совместимые с господствующим в немусульманских странах идеологиям. Они способны, в период приспособления и адаптации, оставаться в латентном состоянии, но, по истечении определенного времени, реанимируются и, в некоторых случаях, принимают формы религиозного экстремизма, поощряющего международный терроризм, всемерно поддерживающего его.

Проблемы незаконной международной миграции, наряду с теми угрозами, которые влечет за собой тесно связанный с ней международный терроризм, обрели наивысшую степень актуальности в риторике и в практике действий политиков не только из стран ЕС, но и в России, а также почти во всех странах Содружества независимых государств (СНГ). Выступая на итоговой сессии XII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», состоявшейся 22 октября 2015 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин констатировал, что неуправляемые процессы в миграции ведут к росту национализма и нетерпимости. Именно эти процессы в итоге приводят к перманентным конфликтам в обществе. В очередном послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. глава российского государства в очередной раз акцентировал внимание на миграционном кризисе в Европе, который он чрезвычайно метко сравнил с переселением народов [Путин, 2017, 261].

Учитывая реальную угрозу втягивания в глобальный миграционный кризис, вслед за ЕС, также и стран - членов СНГ, российские власти инициировали рассмотрение вопроса о внесении соответствующих изменений в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

В 2018 году Президент Российской Федерации подписал новую редакцию Концепции миграционной политики на 2019 – 2025 годы. В этом документе прослеживается намерение российских властей достичь сразу две цели: 1) привлечь в Россию максимальное число мигрантов, которые могли бы, при минимальных затратах со стороны государства, интегрироваться в этнокультурную среду т.н. «русского мира»; 2) перекрыть потоки незаконной миграции, функционирующие на российском направлении.

Как показывает практика претворения в жизнь миграционной политики в современной России, едва ли не самым эффективным орудием противодействия незаконной международной миграции были, есть и в ближайшей перспективе останутся многочисленные бюрократические препоны, которым пока не выработана достойная, научно обоснованная. К сожалению, это часто приводит не к снятию вызванных незаконной миграцией проблем, а к их усугублению. Благодаря высокому уровню коррупции в российских государственных органах, ответственных

за осуществление миграционной политики, Россию наводнила многомиллионная армия незаконных мигрантов. В таких условиях невозможно установить однородную политическую идентификацию россиян. Российское этнокультурное пространство размыто чуждыми идентичностями, препятствующими установлению сплоченного единства населения России [Григорьев, Осинников, 2008, 117-119].

Незаконная международная миграция не только подрывает устой российской политической идентичности, но и ставит под сомнение перспективы ее успешной эволюции. По причине многонациональности и этнокультурной неоднородности России успешная эволюция национально-гражданской идентичности россиян затрудняется в силу регионального этнодискурса. Незаконная международная миграция постепенно разрушает традиционное российское этнокультурное пространство и устой политической системы России в наиболее политически и экономически значимых российских регионах. Успехи в деле созидания российской политической идентичности, достигнутые на периферии, никогда не восполнят последствия неудач в этом важном деле, имеющие место в ключевых субъектах федерации.

Актуализирующаяся политическая значимость современных миграционных процессов бесспорна, что дает нам основание считать миграцию политическим явлением первостепенной важности, а миграционную политику не только инструментом реальной политики, но и средством обеспечения государственной безопасности, в том числе и на региональном уровне.

История России является историей добровольных и принудительных миграций, включая и международного характера, первые из которых зафиксированы уже в древнерусских летописях. И, если мы и вправе именовать ее новой страной иммиграции, как это делает, в частности российский исследователь В. Малахов, то только условно, лишь применительно к легитимации первых программ найма иностранной рабочей силы.

Логика, мотивы и факторы миграционной политики в России, полиэтнической по составу населения, претерпели серьезные изменения в 90-ые гг. XX в. в условиях радикальной трансформации ее политической системы и введения рыночных механизмов в экономике. Это был тяжелый период отечественной истории, сопряженный с общей нестабильностью, архаизацией и криминализацией политической культуры. Налицо были тогда и все признаки глубокого кризиса сферы политического управления, выраженного, в том числе, в гипертрофировании национальных интересов, в нигилизме принимаемых властных решений, в конечном счете, дезинтегрировавших общество.

Прямым следствием либерализации российской миграционной политики явилось то, что миграционные процессы в России приобрели стихийный характер, повсеместно приводя к негативным изменениям этнокультурного структурирования ее социума, порождая все более острые проблемы геополитического характера.

Этническая составляющая этих процессов не вызывает сомнений. Впрочем, нет причин отрицать и тот факт, что движущими их силами явилась элементарная борьба за выживание мигрирующих национальных групп и естественная потребность в доступе к ограниченным ресурсам, то есть все, провоцирующее естественные конфликты с коренным населением субъектов федерации, вместе с мигрантами принимающих и их социальные претензии. Это не могло не оказывать серьезное влияние на политическую жизнь, как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов.

Продолжительное отсутствие в Российской Федерации внятной миграционной политики, адекватной социально-политическим реалиям и оптимальной с точки зрения удовлетворения интересов российского общества, способствовало усилению межнациональной напряженности,

распространению шовинизма, ксенофобии, религиозного экстремизма, в особенности на периферии с ее менее устойчивой структурой социума.

Целенаправленные миграционные потоки способствовали интеграции территорий Дальнего Востока в единое политическое, социально-экономическое и культурное пространство Российской империи, способствуя их развитию и удержанию. А это уже имеет самое прямое отношение к бесспорно политической цели современной демократической России наилучшим образом обеспечить государственную безопасность, удовлетворяя свои устремления к национальной мощи и глобальному статусу.

Российская миграционная политика, выраженная в конкретных политико-управленческих решениях, уже со времени начала освоения юга Дальнего Востока, т.е. со второй половины XIX в., зависела от результатов научного анализа ее факторов и механизмов практической реализации, прогнозирования влияния не только на экономические и этнокультурные, но и политические процессы.

Заключение

В условиях глобализации органическая взаимосвязь политической практики и науки становится более насыщенной даже в самых консервативных странах мира, где еще поддерживается строгое противопоставление между сферами принятия властных решений и их научным обеспечением, а политические действия не всегда имеют рациональное обоснование. Взаимосвязь политики и науки, запускающая механизм регулирования деятельности властных структур согласно профессиональным компетенциям, требует совместной выработки специальных контекстов, способствующих интенсификации процессов изменений в управлении и регулировании миграционными процессами, корректировки качественных показателей и направлений для минимизирования отклонений от нормы и их негативного влияния на функционирование политической системы.

Ю. Хабермас совершенно справедливо отмечал, что человечество сейчас вступает в выраженную пока еще только в тенденциях эпоху онаученной политики [Хабермас, 2007, 136]. Данные тенденции приобрели глобальный, общемировой размах, на рубеже 2 и 3-го тысячелетий всерьез затронув и Российскую Федерацию. В связи с этим практическая значимость научного постижения закономерностей и особенностей влияния миграционной политики на политические процессы и институты в России, фиксируемого буквально на всех уровнях, будет только возрастать, что делает научные исследования в этом направлении действительно актуальными, имеющими большую теоретическую и практическую значимость.

Библиография

1. Горбунов, Ю.С. Терроризм и правовое противодействие ему. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 460 с.
2. Григорьев, М., Осинников, А. Нелегальные мигранты в Москве. – М.: Изд-во «Европа», 2009. – 160 с.
3. Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? / гл. ред. В.А. Ионцев – М.: Проспект, 2016. – 152 с.
4. Капицын, В.М. Теория и политика идентичности. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 2019 с.
5. Малахов, В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.
6. Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М., 2007. – С. 13.
7. Миграция и денежные переводы. Восточная Европа и бывший Советский Союз / под ред. Али Мансура и Брюса Куиллина; Всемирный банк – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 216 с.
8. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой – СПб.: Алетейя, 2011. – 640 с.

9. Пустошинская, О.С. Политические процессы: миграция и конфликты. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 98 с.
10. Путин, В.В. Патриотизм – национальная идея России. – М.: Книжный мир, 2017. – 512 с.
11. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 560 с.
12. Транснациональные политические пространства: Явление и практика / отв. ред. М.С. Стержнева – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011. – 376 с.
13. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» - М.: Праксис, 2007. – 2008 с.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. – 576 с.
15. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics. Ed.. P. Berger. – Wm. B. Eermans Publishing, 1999. – 135 p.
16. Castells M. The Power of Identity. – London: Wiley-Blackwell, 2009. 584 p.
17. Sarrazin T. Der neue Tugend-Terror. – Deutsche-Verlagsanstalt, 2014. – 400 s.

International migration and identity politics in modern Russia

Aleksei V. Kravchuk

Postgraduate,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Inn_1964@mail.ru

Svetlana A. Mefod'eva

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Inn_1964@mail.ru

Abstract

Identity politics is a relatively fresh political science concept. The meaning of this concept is the policy of forming unifying types of identity at the state level, that is, state identities. Identity politics is the result of a number of political processes and phenomena, among which international migration occupies an important place.

Self-identification of citizens takes place on various planes - sociocultural, national, religious and others, which, in their totality, can be called social identification. International migration provides the dynamics and qualitative characteristics of social identification, which is the fundamental basis of political identification.

Under the conditions when there is no effective migration policy in Russia, Russian society cannot defend itself against the negative, destructive impact of alien identities, which is abundant due to flows of legal and illegal migrants that destroy the fragile nature of the ideology of the Russian world. This reveals a catastrophic lack of scientific understanding of the process of development of Russian political identity and virtually complete failure of the scientific support of state policy in this field.

Crisis and destruction of certain identities do not mean the impossibility of creating superior, fundamental hyperidentities that define qualitatively new types of state ideology, concepts of national unity, forms and types of political participation and behavior. But this seems impossible without developing a political science approach to studying the impact of international migration on the development of political identity. The difficulty in solving the problems arising therewith is caused by

the growing dynamics of political processes, requiring the scientific understanding of political processes and phenomena that are rapidly changing together with the whole world around us.

The proposed article discusses the most important, from the viewpoint of the authors, aspects of the political impact that international migration has on the construction of modern Russian political (national-civilian) identity. The tasks set at the same time fully correspond to the goal of contributing to the establishment of a common field of political science studies of international migration as a political phenomenon.

For citation

Kravchuk A.V., Mefod'eva S.A. (2019) Mezhdunarodnaya migratsiya kak politicheskoe yavlenie [International migration and identity politics in modern Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (5A), pp. 157-166. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.017

Keywords

Political phenomena, processes and institutions; international migration; migration policy; political conflicts; political identity.

References

1. Gorbunov, Y. S. (2008) terrorism and legal counteraction to It. - Moscow: Molodaya Gvardia, 460 PP.
2. Grigoriev, M., Aspen trees, A. (2009) Illegal migrants in Moscow. - Moscow: publishing house "Europe", 160 PP.
3. (2016) Integration of migrants: is it possible in modern society? V. A. Iontsev-M.: Prospect, 152 p.
4. Kapitsyn, V. M. (2018) Theory and politics of identity. - Moscow: INFRA-M, 2019 p.
5. Malakhov, V. S. (2015) Integration of migrants: Concepts and practices. - Moscow: Foundation "Liberal mission", 272 .
6. (2007) Methodology and methods of studying migration processes / ed. Zh. Zayonchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. - M., P. 13.
7. (2009) Migration and remittances. Eastern Europe and the former Soviet Union / ed. by Ali Mansour and Bruce Cuillin; world Bank-Moscow: publishing house "the Whole World", 216 p.
8. (2011) Militia and ethnic migrants: interaction practices / edited By V. Voronkov, B. Gladarev, L. Sagitova-St. Petersburg.: Alethea, 640 PP.
9. Pustoshinskaya, O. S. (2018) Political processes: migration and conflicts. - Moscow: INFRA-M, 98 p.
10. Putin, V. V. (2017) Patriotism is the national idea of Russia. - Moscow: Book world, 512 PP.
11. Sarracin, T. (2016) Germany: self-destruction. Moscow: AST Publishing house, 560 p.
12. (2011) Transnational political space: the Phenomenon and practice / ed. ed., M. S. is pivotal – M.: Publishing house "Whole World", 376 p.
13. Habermas, Yu. (2007) Technique and science as "ideology" - M.: praxis, 2008 p.
14. Huntington, S. (2003) Clash of civilizations. Moscow: AST Publishing house, 576 p.
15. Berger P. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics. Ed.. P. Berger. – Wm. B. Eermans Publishing, 135 p.
16. Castells M. (2009) The Power of Identity. – London: Wiley-Blackwell, 584 p.
17. Sarrazin T. (2014) Der neue Tugend-Terror. – Deutsche-Verlagsanstalt, 400 p